

Не стреляйте! Я – журналист!

Сергей Игнатов, обозреватель курганской областной газеты «Новый мир», Слушатель пятого потока курсов «Бастион». Автор Сергей Игнатов работает в газете с 2008 года, бывал в горячих точках. Армейскую службу проходил в Ракетных войсках стратегического назначения. Младший сержант запаса

Ветер, туман и мелкий морозящий дождь. На трех автобусах мы медленно ползем на близлежащий перевал, где нас ждут показательные учения группы «антитеррор». Гляжу с тоской в окно и замечаю: за поворотом на дороге лежит огромный камень, преграждающий нам продвижение вперед. Откуда он здесь взялся, кто его здесь оставил?

Становится ясно – что-то тут не то, когда перед головной военной машиной полыхнула яркая вспышка, загрохотало и затем раздался треск автоматных выстрелов. Сопровождающий автоколонну «Урал» окутан черной завесой. Из него выскакивают солдаты конвоя, а к нашим автобусам бегут черноволосые мужчины с «калашами» наперевес, в экипировке, хорошо знакомой из документальных сводок о терактах в республиках российского Закавказья. «Бандиты» влетают в салон автобуса, автоматная стрекотня отнимает волю к какому-либо анализу происходящего. Уши заложило. Едкий дым жжет глаза. И здравая мысль о том, что это – всего лишь учения, растворяется в тревоге и ощущении, что все происходит всерьез. И вместе с тем – как будто не с нами, а в кино.

Остаться в живых!

– Всем на выход бегом, лечь на землю, головы вниз! – на ломаном русском истошно кричат бандиты, подкрепляя свои команды очередями из автоматов.

Молча выполняем приказы. Хочется вжаться в землю. Следующее требование – отдать фото и кинокамеры – выполняем с неохотой.

Сразу мысль: а как я буду рассчитываться потом с редакцией, если мне посчастливится остаться в живых, казенная же аппаратура. Но страх получить прикладом по спине заставляет отдать фотоаппарат. Женщинам пришлось расстаться с драгоценными украшениями. В голове мелькнуло, что при обыске у меня не нашли мобильник, который затерялся в боковом кармане куртки. Значит, не все еще потеряно, можно будет связаться с миром. И сразу пинок в правый бок.

Тешит почему-то подленькая мысль, что не мне одному достаются пинки и тычки, кому-то гораздо больше. Нам раздают холщовые мешки, требуют надеть на голову и двигаться вперед. Из-под мешка дороги не видно. Кругом канавы. То и дело спотыкаемся и падаем, но пинки и тычки вновь заставляют подниматься и идти дальше. Женщин боевики отделили от мужчин, но слышно по их возгласам, что им достается не меньше, чем мужикам. Чтобы собрать колонну в единое целое, нас заставляют то ложиться в грязь, то вставать на колени. На одном из отрезков пути всю группу журналистов, человек 80, заставляют ползти попластунски. Мысленно представляю, во что превратилась моя белая куртка. Но о чистоте думать не приходится – страх перед бандитами и желание остаться в живых заслоняет все другие мысли. Команда «бегом» – и мы бежим в гору, как заядлые кроссмены. Кто-то не выдерживает и падает на землю, крича, что не может идти дальше, просит пристрелить. Со слабаками у бандитов разговор короткий: в канаву, выстрел, вскрик. Был человек – и нет его. Коллег в военной форме, представителей пресс-служб силовых ведомств, сразу же уничтожили – это «золотое» правило у боевиков. Вторыми на тот свет уходят слабые и нежелающие подчиняться командам. Один из молодых журналистов попытался заговорить с соседом, нервно засмеялся. Его вытаскивают из колонны...

Я пока надеюсь на свою хорошую физическую подготовку, стараюсь не отставать, держаться толпы. Но два крепких подзатыльника заставляют меня еще больше мобилизоваться.

Это сладкое слово – свобода

Стараюсь выглядеть бодрым и способным преодолевать любые дистанции по пересеченке. Не скрою, очень хочется развернуться и врезать хорошенько бегущему рядом боевику с автоматом. Еле сдерживаю себя. Не знаю, как долго мы передвигаемся. Кажется, что это уже не кончится никогда. Тревожат мысли: как с нами поступят? Будет ли меня выкупать родная редакция, если боевики запросят за меня выкуп? Хватит ли денег? Грязный и потный. Все надоело: пинки, несмолкающие стрельба и воинственные вскрики боевиков.. Бежим дальше. За одним из поворотов стоят несколько автобусов. Нас уже поджидают. Толпу рассекают прикладами по отдельным группам и заставляют войти в автобус. Ну вот, думаю, еще куда-то повезут. Знают ли организаторы курсов «Бастион», что мы в плену?

Но тут неожиданно раздается команда: «Все, учебное занятие по захвату журналистов в заложники закончено. Можно выйти из автобусов. У всех есть время перекурить пять минут». Короткие нервные смешки моих собратьев по перу. А из меня лезет такой гнев, что хочется подойти к кому-нибудь из участников этого спектакля и врезать по наглой морде. С трудом сдерживая себя, оглядываюсь и вижу, что «заложники» подходят к «боевикам» и начинают чуть ли не брататься. Да, занятие закончено. «Убитые» друзья-журналисты вернулись, мне отдадут в целостности и сохранности редакционный фотоаппарат. Достаяю мобильник из внутреннего кармана. Слава Богу, он цел. Хочется петь от счастья и как ребенок радоваться жизни.

Рядом стоит президент Ассоциации военной прессы Геннадий Дзюба и с улыбкой спрашивает: «Ну что, досталось?»

Видя мой злой взгляд, говорит:

– А что вы хотели? Мы хотя и постарались, но не смогли изобразить даже одной сотой доли того, что бывает, когда вас берут в заложники. Мы и добивались, чтобы все было как в реальности, чтобы вы, журналисты, почувствовали на себе, созданы ли вы для работы во внештатных ситуациях. Когда репортер попадает в реальные условия, боевики применяют другие меры воздействия на заложников: бьют прикладами по голове, по лицу, убивают, стреляют над ухом для устрашения. Самое главное – это шумовое подавление психики пленных. Когда мы проходили

теорию, вас же предупреждали: не смотреть в глаза, не вызывать агрессию у захватчика, слушать команды, сконцентрироваться на внутреннем дыхании и верить, что если тебя не убили в первые минуты захвата, значит, есть шанс остаться в живых, значит, ты зачем-то им нужен. Может, для выкупа или возможности выхода на какую-либо теле-радиостанцию. Если, не дай Бог, случится такая ситуация, вы будете к этому уже как-то готовы.

Кавказский пленник

Хорошо, что это были всего лишь часть показательных учений «Бастион-2009», проходивших на полигоне военной части в городе Чебаркуле, организаторами которых выступили Союз журналистов Москвы и Ассоциация военной прессы при поддержке МВД, ФСБ, МЧС, комитета по противодействию антитеррору, МИД России и командования Приволжско-Уральского военного округа. В курсах приняли участие журналисты и телеоператоры СМИ из 19 регионов Уральского и Приволжского федеральных округов. К сожалению, некоторые мои собраты сошли с этой экстремальной дистанции задолго до ее окончания. Они были «уничтожены». Кое-кто потом признался, что твердо решил: никогда и ни за какие деньги не поедет в горячую точку. Что ж, у каждого свой выбор.

Хотя нам и доставались тычки и затрещины, но в реальности все гораздо более жестоко. И вроде внимательно слушали мы рассказ Николая Иванова, писателя и публициста, в прошлом кадрового офицера-десантника, воевавшего в Афганистане и прошедшего 113-дневный плен во время первой чеченской войны, а подготовиться к тому, что это нас возьмут в заложники, оказалось невозможно. После своего освобождения из плена Николай Федорович написал книгу «Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре». Один из вечеров бывший кавказский пленник уделил нам, рассказывая и вновь переживая то время.

– Ужасы чеченской войны не ограничиваются только боевыми действиями. На передовой солдат может постоять хотя бы за себя силой оружия. Там, пусть и относительно, но он свободен. Чего у не скажешь об участии военнопленных, когда любой чеченский парнишка норовит выместить на тебе свою злость только за то,

что ты русский, – глухо, словно в себя, говорит Иванов. – Это испытание не для слабых. И не только физически, но и морально. Что ждет тех, кому довелось попасть в подземную тюрьму конца XX-го века? Есть ли у них возможность выжить? Стоит ли им рассчитывать на помощь товарищей и государства? Самое главное, смогут ли они простить своих обидчиков, если им посчастливится вырваться из этого ада?

Постоянные голод, холод, избиения и издевательства, унижения – все это пришлось пережить Николаю Иванову в чеченском плену. Он выжил и вернулся домой. Освободила его спецгруппа налоговой полиции России, отыскавшая его в чеченских подземельях.

На войне как на войне. Стреляют

К сожалению, даже после испытания «захватом в заложники» не все мои коллеги хорошо усвоили аксиому «не лезь в пекло». На другой день мы проходили еще одно практическое занятие: «Работа журналиста и телеоператора в условиях ликвидации банды боевиков и освобождения заложников из плена». Задача вроде была поставлена предельно ясно: снять репортаж и остаться в живых. Во время боя в центре событий ничего снять невозможно. Но наши телеоператоры, то ли из-за свойственного им любопытства, то ли из желания снять наиболее удачную картинку, буквально лезли под пулеметно-автоматный шквальный огонь. Кстати, Геннадий Дзюба, проводивший потом «разбор полетов», приложил некоторых из телевизионщиков крепким непечатным словом. И правильно, пули-то на войне настоящие, а тут даже в условиях учений кто-то из операторской братии чуть под БТР не угодил. У нас, у пишущих журналистов задача проще: сидеть в окопе и нос куда не надо не совать, наблюдать за происходящим боем и делать себе пометки в блокнот. Материалы по взятию станции Наурской пишущие журналисты сдали вечером. На подведении итогов нам объявили, что телеоператоры почти все «погибли».

Опыт бывалых

В один из дней к нам на курсы нагрянули два знаменитых аса

тележурналистики – Александр Минаков и Александр Сладков, работающие на «второй кнопке» отечественного телевидения и побывавшие практически во всех горячих точках на Кавказе и за рубежом.

Минаков, кроме Чечни и Нагорного Карабаха, делал репортажи из двух столиц, подвергшихся варварским бомбежкам американской авиации – Багдада и Белграда. Виноват Саддам Хусейн – американцы бомбили Багдад, виноват Милошевич – бомбили Белград. Не щадили никого. Кстати, Александр, работавший корреспондентом ВГТРК, первым оповестил мир о том, что Багдаду грозит бомбардировка. Вот что он рассказывал о тех днях:

– Что бы ни говорили о временах Саддама Хусейна, но я хорошо помню, что до войны по Багдаду можно было передвигаться в любое время дня и ночи, не опасаясь за свою жизнь. Работали магазины, аттракционы, зоопарки, детские парки. В городе бурлила жизнь... Еще до бомбардировки многие жители стали покидать Багдад. Чувствовалось, что это фронтовой город. Все понимали, что скоро начнутся не только бомбежки, что американцы вот-вот захватят Багдад.

Когда эта новость прозвучала в эфире российского телевидения, к Минакову за информацией поспешили все журналисты, освещающие развитие событий в Багдаде. Александр Минаков любит повторять, что информация должна быть проверена и перепроверена, даже если ты узнаешь о событии одним из первых. Неправильное освещение, особенно политических событий, может выйти боком не только самому журналисту, передавшему новость, но и редакции телеканала. Александр также предупреждает, что при преодолении контрольно-пропускных пунктов надо вести себя спокойно и выполнять все требования военных, не проводить несанкционированные съемки, иначе можно нарваться на неприятности, как это было в Багдаде.

– Американцы, например, вообще долго не любят разговаривать и ведут себя всегда как хозяева, где бы они ни находились, хоть за тридевять земель от собственной страны. На просьбу поснимать американских солдат к нам молча подошел здоровенный сержант, и мягко говоря, «изъял» у оператора видеокамеру. Аппарат, конечно, потом вернули, но уже без отснятых важных

кадров. Так что если хочешь сохранить лучшие военные кадры, то оставь их где-нибудь в укромном месте, – напутствует Минаков. – А еще оператору не стоит «бликовать» своей оптикой в оконных проемах. Разрушенные дома – рабочие места для снайперов, и блик камеры мало чем отличается от биноклей и оптических прицелов.

Война есть война, локальная она или масштабная. Потери несут не только воюющие стороны, но, как это ни печально, журналисты. За время проведения боевых действий в Чечне погибло более 30 российских журналистов и 12 пропало без вести.

Александр Сладков, ведущий телепередачи «Военная программа», специализируется на освещении военных событий и кризисных ситуаций, в качестве военкора работал в большинстве горячих точек на постсоветском пространстве. Освещал гражданскую войну в Таджикистане, Приднестровский, Грузино-Абхазский и Чеченский конфликты. 9 августа 2008 года был направлен редакцией общественно-политических программ РТР на освещение событий войны в Южной Осетии. Автомобильная колонна, в которой находилась машина съемочной группы телеканала «Вести», попала под обстрел. Сладков был ранен в ногу, оператор Леонид Лосев получил две пули в руку, а видеоинженер Игорь Уклеин – контужен. Жизнь Сладкову и его коллегам спас майор Денис Ветчинов, погибший в этом бою.

– Во многом безопасность журналиста зависит от того, как быстро он научится общаться с местным населением той страны, куда командирован, – говорит Александр Сладков. И подчеркивает: от правильно поданной информации часто зависит жизнь не только репортера, но и многих других людей получивших загранпаспорт срочно.

Не навреди

– Чем думает журналист, когда раскрывает замысел операции? – спрашивает один из основателей курсов «Бастион» Геннадий Дзюба. – Вопиющим примером был «Норд-Ост», когда в новостях в режиме реального времени показывалось, в каком составе, с

каким оружием, откуда и куда перемещались бойцы спецподразделений. Террористы, когда захватывают в плен заложников, всегда отслеживают телесюжеты и интернет-материалы для корректировки своих действий. Иногда операторы и фотокоры снимают лица участников боевых действий, только вышедших из боя, и за это просто получают прикладом по голове или им камеру разбивают. И когда они возмущаются: мол, сколько стоит моя камера, ему вполне справедливо отвечают: «А сколько стоит твоя жизнь»?

На пути репортера могут возникнуть не только террористы, взрывы и выстрелы. Еще одна опасность, подстерегающая на войне весьма любопытных журналистов, – это мины и растяжки. Все, что лежит под ногами, может нести угрозу, даже простая книжка, в которой можно спрятать до одного килограмма взрывчатки. Некоторые журналисты за свое любопытство заплатились жизнью. Правила безопасности военных журналистов давно написаны кровью. И не только. Многие опытные журналисты публиковали напутствия начинающим коллегам. Так, известный телерепортер Юрий Романов в своей книге «Я снимаю войну» указал конкретные заповеди военкора: «Перед тем как лезть в пекло, нужно подумать, а где будет стоять моя машина? А как я буду отступать, а как я буду действовать, чтобы не зажали ни кольца оцепления, ни толпа фанатов».

О толпе фанатов Романов говорит не случайно, она может быть не менее опасна, чем вражеская армия – из-за своей неуправляемой ярости. В рамках курсов «Бастион» проводилось еще одно учебное занятие: усмирение толпы футбольных фанатов бойцами Челябинского ОМОНа. Пытавшиеся быть в центре событий ребята-журналисты из Тольятти отведали на своих спинах силу удара резиновой дубинки. Отсюда еще одна заповедь: не лезь в толпу фанатов, ибо никто не будет тебя спрашивать, кто ты по профессии и какую роль выполняешь. Получишь по полной, да еще и в кутузку загремишь.

Наша профессия – мирная, и на войну, в зону конфликта журналисты едут не воевать, а освещать события, предоставлять информацию своим читателям и зрителям. Многие российские журналисты уезжают в боевые командировки неподготовленными,

без бронежилетов, касок, у них нет навыков выживания в любых условиях – и гибнут, теряют здоровье. Не зря в течение пяти дней в рамках «Бастиона-2009» нас, репортеров, учили оказывать первую медицинскую помощь, распознавать заминированные участки территории, создавать договоренности с местным населением, боевиками, «подпольщиками», работать с представителями временных пресс-центров в местах боевых столкновений, стихийных бедствий и массовых беспорядков.

Дай Бог, конечно, чтобы эти знания на практике не пригодились. Но случись что – они могут спасти жизнь и выполнить свой профессиональный долг. В последний день курсов каждый участник получил не только сертификат об их успешном окончании, но и видео-аудио сборники рекомендаций, как выжить в экстремальных условиях. А самый памятный подарок – футболка с надписью на русском и английском языках: «Я журналист! Не стреляйте».